

Т. Б. Ершова

МИР АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Более двухсот лет стоит на Васильевском острове, на набережной Невы, огромное здание. Величественные молчаливые фасады кажутся задумчивыми, погруженными в воспоминания. Академии художеств есть, что вспомнить – это самое старое учебное заведение города, существующее на одном и том же месте, где со дня основания по сегодняшний день готовят для России художников – живописцев и графиков, скульпторов и архитекторов. Многие помнят стены Академии. А сколько статей, книг посвящено этому своеобразному миру. Собранные в прошлом веке историком П. Н. Петровым документы сохранили почти каждый шаг, имена и судьбы, будни и праздники, приказы и отчеты... В этой работе я хочу передать особенность академической атмосферы с одной стороны и проследить связь Академии с судьбой города – с другой. Все, что происходило в Петербурге, отраженное в душах художников, воспринимается ярче, драматичнее.

Указ об учреждении Академии трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры – относится к 1757 году. Фаворит императрицы Елизаветы, первый в России покровитель муз, основатель Московского университета И. И. Шувалов становится ее учредителем и первым президентом. Формально числясь при Московском университете, в том же 1757 году Академия переехала в Петербург, где поменяла несколько адресов, пока не обосновалась на нынешнем месте – на берегу Невы между Третьей и Четвертой линиями Васильевского острова. Первых сорок учащихся обучали известные европейские художники: живописцы Ротари, Лагрене, Лоррен, скульптор Жилле, гравер Шмидт, архитектор Деламот. Единственным русским преподавателем был архитектор А. Кокорин. Обучение велось на французском языке. Наряду с изобразительными искусствами преподавались и общеобразовательные предметы. Шувалов собирал для своего детища картины, гравюры, чертежи, книги, организовывал покупку за границей рисовальных принадлежностей, слепков с античных статуй. Шуваловская Академия дала России первых европейски образованных художников. А. Лосенко, В. Баженов получили всеобщее признание во время стажировки во Франции и Италии. В России оба не смогли реализовать в полной мере свои способности. Драматичной была и судьба их современника, талантливого скульптора XVIII века Ф. Шубина.

Преемником Шувалова на посту президента в 1763 году стал сподвижник Екатерины II И. И. Бецкой. Его заслугой была организация строительства нового здания для Академии, ставшего украшением города, гордостью императрицы и «Alma mater» для доброй половины всех отечественных художников. Оно было торжественно заложено в июле 1765 года в присутствии самой императрицы, в основном построено к 1772 году и достраивалось еще много лет. Основой проекта стала «Academie de nord» (Северная академия), спроектированная французским архитектором Блонделем для строительства в Москве. Авторами проекта здания на Неве стали преподаватели архитектуры в Академии Деламот и Кокорин. Документально подтверждено авторство Деламота в исполнении основных чертежей; также известно, что за строительством наблюдал исключительно Кокорин. Он же выпол-

нил модель здания, сохранившуюся до сегодняшнего дня. Директор и душа Академии, отдавший все силы на строительство и организацию учебного процесса, Кокоринов остро переживал все задержки и неурядицы в строительстве. Одна из легенд Академии гласит, что архитектор повесился на чердаке недостроенного здания.

Структура Академии художеств во многом сориентирована на Парижскую королевскую академию, основанную ста годами раньше. В подражание французским идеям о воспитании Бецкой организовал Воспитательное училище для пятишестилетних мальчиков. Будучи оторванными от грубой внешней среды в столь раннем детстве, они должны были стать в результате правильного воспитания идеальными гражданами своей страны. При трудной, лишенной благ цивилизации бытовой жизни в Петербурге XVIII века, темнота и холод, голод и грязь были уделом воспитанников, окруженных зачастую невежественными, случайными воспитателями-иностранцами. Но из этой среды вышли не только знаменитые скульпторы М. Козловский и И. Прокофьев, архитектор А. Захаров, но и известные в XVIII веке композиторы П. Скоков и Е. Фомин. С открытием в 1781 году «литейной палаты» было положено начало русскому художественному литью.

Нищета и запустение, грубость нравов и невежество царили в Академии и после смерти Бецкого. И хотя следующие за ним президенты А. И. Мусин-Пушкин и А. С. Строганов искренне желали помочь Академии, поощряя лучших ее учеников: А. Егорова, В. Шебуева, И. Мартоса, В. Демут-Малиновского – поправить бедственное положение им не удалось. Спрос на художества в России XVIII века был невелик, и выпускники Академии попадали в полную от нее зависимость, так как лишь Академия распределяла заказы, давала оценку работам, присуждала звания. Для взаимоотношений художника и внешнего мира характерна судьба О. Кипренского, обласканного и вознесенного одним словом сильных мира сего и вычеркнутого из российской жизни другим. Полное отсутствие социальной защищенности заставляло одних покидать родину, в других убивало художника, третьи просто уходили из жизни.

Дать Академии новый импульс к преобразованию смог энергичный и деятельный А. Н. Оленин, ставший ее президентом в 1817 году. Наконец производится необходимый ремонт и перепланировка, оштукатурены боковые фасады. В 1821 году в глубине квартала, в саду, строится корпус вспомогательных помещений – «прачечный сарай, устроенный наподобие одного из великолепных храмов древности» – дань увлечения античностью. В 1830-е годы по проекту только что вернувшегося из заграничной стажировки архитектора К. Тона были выполнены интерьеры парадных залов невской анфилады. По его же проекту построена пристань. На гранитные пьедесталы встали привезенные «из древних Фив в Египте» знаменитые сфинксы. Судьба распорядилась так, что предназначенные для установки перед Академией скульптурные группы, отлитые по проекту Клодта, украсили Аничков мост, сделавшись еще одной достопримечательностью города.

К. Тону принадлежит проект отделки академической домово́й церкви во имя св. Екатерины. Украшенная живописными и скульптурными деталями, выполненными профессорами Академии, церковь сохранялась до 1925 года без изменений, затем была разорена, превращена в клуб Института им. И. Е. Репина. Сегодня церковь заново освящена, в ней ведутся работы по восстановлению тоновских интерьеров.

Причиной улучшения материального благосостояния стало покровительство императора Николая I. Указом от 1829 года Академия перешла в ведение Министерства императорского двора, получила деньги на строительные работы, но вме-

сте с этим и полную подчиненность верховной идеологии. Формула «самодержавие, православие, народность» стала для Академии руководством к действию. Постоянно велись работы по изучению памятников древнерусского церковного и народного искусства. Велись исследования в Константинополе, Киеве, Новгороде, Пскове. Академия разработала технологию научной реставрации темперной и масляной живописи, дала начало развитию отечественной археологии. В 1856 году был учрежден класс православного иконописания.

Середина XIX века – драматичная страница истории Академии. Вершина пройдена, начинается застой, классицизм приобретает черты академизма, хотя русский академизм всегда смягчался национальным поэтическим чувством, остро проявившимся в романтизме начала XIX века. Эти годы совпадают с кризисом николаевской России. «Божественный» К. Брюллов, картина которого «Гибель Помпеи» имела триумф и в Академии, и в Петербурге, уезжает за границу. А. Иванов суверенно боится возвращения в Петербург из итальянской стажировки. Действительно – художник умер через несколько месяцев после приезда в столицу, не пережив враждебного приема картины «Явление Христа народу» – результата его двадцатилетнего труда. В экспозицию музея Академии входит мемориальная мастерская Т. Шевченко, в чьей судьбе также трагично пересеклись Петербург и Академия.

В шестидесятых годах идейный кризис обострился и прорвался бунтом четырнадцати студентов-дипломников во главе с И. Крамским, отказавшихся писать дипломные картины на античные сюжеты. Совет Академии без колебаний расстался с бунтовщиками, организовавшими Товарищество передвижных выставок для показа работ русских художников провинциальному зрителю. Академия потеряла монопольное право на формирование художественного вкуса и встала перед необходимостью догонять ушедшее вперед демократическое искусство.

В эти годы подошел столетний юбилей. К нему подновили конференц-зал, расширили и обустроили музей. Разросшаяся библиотека получила свое окончательное место в залах второго этажа по Третьей линии. В 1864 году было построено специальное здание мозаичной мастерской.

Академия победила восставших студентов, но навсегда лишилась прежнего авторитета. Даровитая, самостоятельно мыслящая молодежь перестала верить идеалам Академии. Этому способствовали и очередные реформы обучения. С 1840-го года после закрытия Воспитательного училища студентами Академии стали юноши, получившие гимназическое образование, а затем в аудиториях появились вольнослушатели – разных сословий и возрастов, со всех концов России. Высшая «академическая премудрость», вечные римские идеалы им были чужды и неинтересны. Даже восемь – двенадцать лет академической дрессировки не могли разрушить у самых сильных из них творческой самостоятельности. Настороженное отношение к Академии оставалось до самой революции. Ф. Васильев, М. Врубель, А. Бенуа, К. Сомов, М. Добужинский, многие русские архитекторы предпочитали Академии иностранные школы или другие российские учебные заведения.

В 1891 году в Академии появились студентки-женщины. Среди них была А. Остроумова-Лебедева. Вот ее первые впечатления: «Обширность залов, громадные классы, некоторые в форме амфитеатров, темные высокие коридоры, винтовые лестницы, ведущие вверх и вниз, двери, открывающиеся в помещения, о существовании которых и не подозреваешь. Две галереи живописи – Кушелевское собрание и Галерея современной живописи, большой музей античной скульптуры, зал современной скульптуры в первые дни поражали меня, вызывая радостные чувства».

Музейные коллекции, библиотека, костюмерная были настоящими сокровищами Академии конца XIX века. Из них начали черпать, составляя экспозиции Русского музея императора Александра III, куда были переданы произведения древнехристианского искусства, предметы русской старины. Последние положили начало Этнографическому музею. Позднее, уже в двадцатые годы, в Эрмитаж была передана Кушелевская коллекция и часть графических работ из академической библиотеки.

Реформа 1893-го года в очередной раз сделала попытку приблизить систему академического обучения к требованиям современной жизни. Были образованы творческие мастерские, в которые пришли И. Репин, А. Куинджи, В. Шишкин и другие видные художники-передвижники. Но Академия сменила только содержательную сторону искусства, техника живописи оставалась консервативной, тогда как в Париже тон задавали импрессионисты. Тем не менее, и в эти годы из стен Академии вышли первоклассные мастера – А. Головин, И. Фомин, Л. Ильин, В. Щуко.

Волны революции разбили старую Академию. После событий 1905 года ее покинули В. Серов, В. Поленов, А. Куинджи, Г. Мясоедов, а в 1918 году Императорская академия была закрыта. В двадцатые годы в ее стенах работали художественные мастерские. Но когда авторитарное государство стало укрепляться, ему потребовалась авторитетная художественная школа. И в 1932 году правительство приняло решение «О создании Академии художеств». Директорами довоенной Академии были известные живописцы И. Бродский и А. Герасимов. Вместе с городом Академия пережила ужасы тридцатых годов, отдала войне и блокаде десятки жизней своих питомцев, была эвакуирована в Самарканд.

После войны Всероссийскую академию преобразовали в Академию художеств СССР. Сотни юношей и девушек из Сибири, Средней Азии, Украины, Кавказа с трепетом открывали старинную дубовую дверь, вступая в полумрак и прохладу старинного вестибюля. И академические стены, и набережная с мачтами кораблей в перспективе, и сфинксы, и Соловьевский садик с обелиском «Румянцева победам», и старый Андреевский рынок, и сам город день за днем формировали особую породу художников. Выпускники Академии чувствуют и понимают друг друга лучше, чем родственников и друзей, несмотря на различия вкусов и творческих позиций. Налет петербургского климата в сдержанно-изысканном колорите живописи, изящество, виртуозность, аристократизм в произведениях графиков и скульпторов. Традиционно сдержаны, классицистичны проекты архитекторов. Все они объединены общим воспоминанием: «Выйдем из стен Академии на набережную. С Невы тянет влажный морской ветер <...>. Не одни наводнения несет он петровской столице, но и дух дальний странствий. Пройдитесь по последним линиям Васильевского острова <...> – и вы увидите просвет моря, отшвартовавшийся пароход, якоря и канаты, запах смолы и соли, – и сердце дрогнет, как птица в неволе. Потянет вдаль, на чудесный Запад, омытый Океаном, туда, где цветут сады Гесперид, где из лона волн возникают Острова Блаженных <...> Тоска целых материков – Евразии – по Океану скопилась здесь, истекая узким каналом Невы в туманный фантастический Балт» (Г. П. Федотов, Три столицы. 1926 год).